

Оригинальная статья
УДК 101; 32
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-4-5-15>

Антропологический фактор технологий войны нового поколения

Андрей Андреевич Ковалев

*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия,
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>*

Введение. В статье рассматриваются гуманитарные технологии гибридных войн (войн нового поколения). Физическое насилие в условиях их активизации заменяется насилием нефизическим с использованием принуждения, побуждения, понуждения и манипуляций. Поэтому особую актуальность приобретает осмысление не только самого феномена гибридных войн, но и активно применяемых в них гуманитарных технологий. Цель исследования – раскрыть гуманитарные технологии как ведущую силу войн нового поколения.

Методология и источники. В качестве основных методов в исследовании были использованы систематизация, категоризация, интерпретация понятий и системный анализ. Работа опирается на исследования И. Ю. Алексеевой, В. Г. Кокоулина, Б. В. Маркова и некоторых других авторов, посвященные гуманитарным технологиям войны нового поколения.

Результаты и обсуждение. Технологии гибридной войны носят смешанный характер, однако при этом в последние годы становится очевидным тяготение акторов глобального противостояния к гуманитарным технологиям современной войны. На первом этапе проводимого исследования был рассмотрен феномен гибридной войны, дано его определение, раскрыты его сущность и потенциал. Гибридная война – это реализованная стратегия управляемого хаоса. На втором этапе рассмотрены различные технологии гибридных войн, наиболее перспективными из которых являются гуманитарные технологии. Дано определение таких технологий, раскрыты их субъекты и объекты, а также их цель. Третий этап исследования посвящен рассмотрению конкретных примеров гуманитарных технологий, среди которых создание дипфейков, распространение дезинформации и ряд других.

Заключение. В последние несколько лет гуманитарные технологии войны нового поколения нашли свою нишу в условиях противостояния исторических противников, при этом политические цели такого противостояния остались прежними. Однако объект воздействия изменился, им стал человек.

Ключевые слова: человек, влияние, манипуляция, эволюция технологий, гибридная война, сознание

Для цитирования: Ковалев А. А. Антропологический фактор технологий войны нового поколения // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 4. С. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-4-5-15.

© Ковалев А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Anthropological Factor of the New Generation of War Technologies

Andrey A. Kovalev

*North-West Institute of Management, branch of RANEPA, St Petersburg, Russia,
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>*

Introduction. The article studies the humanitarian technologies of hybrid wars (wars of the new generation). Physical violence in the conditions of their activation is replaced by non-physical violence using coercion, inducement and manipulation. Therefore, understanding not only the phenomenon of hybrid wars itself, but also the humanitarian technologies actively used in them, is of particular relevance. The purpose of the study is to reveal humanitarian technologies as the leading force of the new generation of wars.

Methodology and sources. Systematization, categorization, interpretation of concepts and system analysis were used as the main methods in the study. The work is based on the research of I.Y. Alekseeva, V.G. Kokoulin, B.V. Markov and some other authors whose works devoted to the humanitarian technologies of the new generation of war.

Results and discussion. Hybrid warfare technologies are of a mixed nature, however, in recent years, the attraction of actors of global confrontation to the humanitarian technologies of modern warfare has become obvious. At the first stage of the research, the phenomenon of hybrid warfare was considered, its definition was given, its essence and potential were revealed. Hybrid warfare is an implemented strategy of controlled chaos. At the second stage, there were considered various hybrid warfare technologies, the most promising of which are humanitarian technologies. The definition of such technologies was given, their subjects and objects were disclosed, as well as their purpose. The third stage of the study is devoted to the consideration of specific examples of humanitarian technologies, including the creation of deepfakes, the spread of disinformation and a number of others.

Conclusion. In the last few years, the humanitarian technologies of a new generation of war have found their niche in the face of confrontation between historical opponents, while the political goals of such confrontation have remained the same. However, the object of influence has changed, it has become a person.

Keywords: man, influence, manipulation, technology evolution, hybrid warfare, consciousness

For citation: Kovalev, A.A. (2024), "The Anthropological Factor of the New Generation of War Technologies", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-4-5-15 (Russia).

Введение. На протяжении всей истории развития человечества война и ее технологии претерпели значительные изменения, и к XXI в. самым эффективным и потому приоритетным видом противоборства стали нелетальные войны с применением гуманитарных технологий. В таких условиях состояние войны и состояние мира смешиваются, между ними стираются границы, а человек находится одновременно и в позиции объекта, и в положении субъекта гуманитарных технологий. Физическое насилие тем самым заменяется насилием нефизическим (психологическим, ментальным, информационным) с использованием принуждения, побуждения, понуждения и манипуляций. В подобных условиях актуальным становится осмысление не только самого феномена гибридных войн, но и активно применяемых в них гуманитарных технологий. Антропологический фактор становится ведущим в

войне нового поколения, а поскольку человек и его безопасность являются приоритетными направлениями обеспечения национальной безопасности современного государства, то и разрушительный потенциал гуманитарных технологий является очевидным, а его преодоление обязательным условием дальнейшего существования нации и государства.

Цель исследования – раскрыть гуманитарные технологии как ведущую силу войн нового поколения.

Методология и источники. В качестве основных методов в исследовании были использованы систематизация, категоризация, интерпретация понятий и системный анализ. Благодаря этим методам была прослежена эволюция технологий войны, гуманитарные технологии гибридной войны рассмотрены как наиболее эффективные и перспективные (равно как и самые разрушительные), даны определения важных понятий в контексте изучения гибридной войны и ее технологий гуманитарной направленности, а также систематизированы знания о гуманитарных технологиях войны нового поколения и их разрушительном потенциале. В работе были использованы исследования И. Ю. Алексеевой, В. Г. Кокоулина, Б. В. Маркова и некоторых других авторов, посвященные гуманитарным технологиям войны нового поколения.

Результаты и обсуждение. Феномен войны как крайней степени противоборства противников за всю человеческую историю претерпел множество модификаций и качественных изменений. И если до второй половины XX в. физические войны с летальным исходом были предпочтительным и самым эффективным способом достижения политических целей (захват территорий и подчинение противника и его народа), то со второй половины прошлого столетия, особенно в XXI в., такой вид противоборства теряет свою значимость и результативность. В настоящее время некинетические (неклассические, нелетальные) войны находятся в приоритете по сравнению с вооруженными столкновениями. Безусловно, фактор вооруженной борьбы не потерял актуальность полностью, он еще существует в войнах современности, однако новые технологии борьбы постепенно его вытесняют. Таким образом, благодаря смешению технологий физического (вооруженного) и нефизического (без использования классического оружия) противостояния, война нового поколения стала именоваться гибридной (от лат. *hybrid* – помесь). Полноценное осмысление гибридной войны в социально-гуманитарном знании находится на этапе становления. Несмотря на довольно большой объем исследований и работ на данную тему, нераскрытых граней и аспектов этого явления по-прежнему достаточно много. Одним из них является антропология гибридной войны, в том числе влияние ее технологий на современного человека.

Итак, в общем виде под гибридной войной понимается «находящееся вне правового поля противостояние с применением военных и невоенных технологий многосубъектными сторонами, направленное на реализацию интересов их внутренней, внешней и глобальной политики» [1, с. 73]. Такие войны по своей сущности носят наступательный характер, их цель заключается в установлении контроля над противником и дальнейшем управлении им. Как уже было отмечено в определении, в гибридных войнах могут использоваться как военные, так и невоенные технологии, что в свою очередь подчеркивает их комплексный характер. При этом гибридная война ведется во всех направлениях жизнедеятельности государства, общества и каждого отдельного человека. Под удар попадают сфера образования, культурного развития, деятельность политических, экономических и иных институтов, духовно-нравственный индивидуальный и общественный потенциал противника и многие другие сферы [2].

В целом гибридные войны можно охарактеризовать как управляемый хаос. Главными идеологами этой стратегии ведения войны выступают США. Хаос создается искусственно с целью дезориентации того или иного народа как в глобальном масштабе, так и в национальном. В таких условиях население противника теряет волю, становится податливым к манипуляциям и не может сопротивляться акторам гибридных атак. Основная цель – сделать тот или иной народ лояльным по отношению к тому, кто этот управляемый хаос создает и поддерживает. Со временем действительно происходят важные необратимые изменения, которые затрагивают ментальный уровень бытия народа-противника. В результате происходит утрата традиционных ценностей и их замена нежизнеспособным суррогатом, теряется связь поколений, а также появляются опасные иллюзии о привлекательности чуждой культуры и ее идеалов и об устаревшем/неправильном собственном опыте. В результате применения такой технологии гибридной войны нация теряет свою идентичность, самостоятельность и уникальность. При этом наиболее эффективной стратегия внедрения управляемого хаоса становится, когда применяется в первую очередь к элитам, деятельность которых в перспективе влияет на население. Пожалуй, самым наглядным и вместе с тем драматичным в том числе и для современной России, является пример Украины и ее лидера В. Зеленского. Он полностью лоялен Западу, отвечает всем его требованиям и запросам, готов действовать в интересах своих спонсоров («кукловодов») даже в ущерб национальной безопасности своего государства. Таким же ведомым Западом лидером был М. С. Горбачев, который признавался, что личное знакомство с Западом уверило его в правильности уничтожения коммунизма (собственной страны) и выбора пути социал-демократических стран в качестве идеала [3, с. 102–103].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о формировании и использовании нового феномена – технологиях гибридных войн. Основным их отличительным признаком является преобладание невоенных методов в сочетании с военными. Такие технологии направлены не на физическое противостояние, а на метафизический уровень существования человека и общества, т. е. на уровень сознания и даже подсознания. То есть наряду с военным инструментарием ведения современных войн весомое значение приобретают и такие средства, которые способны также добиваться политических и иных целей, но при этом обладают способностями нефизического воздействия на противника. В этом контексте речь идет о гуманитарных (социально-гуманитарных) технологиях, которые в рамках гибридных войн начинают приобретать особое значение. Так, под социально-гуманитарной технологией «следует понимать целенаправленную форму деятельности (комплекс мероприятий) определенных субъектов по организации и контролю коммуникации индивида через воздействие на глубинные пласты его человеческой природы (языковое пространство, духовные образы человека, сферу символических кодов и архетипов)» [4, с. 62–63].

Итак, подобные невоенные технологии современной войны интенсивно вытесняют их военные альтернативы. Это обстоятельство ставит перед современной философией закономерный вопрос о причинах произошедшего, почему гуманитарные технологии ведения войны стали настолько востребованными, эффективными и, следовательно, перспективными, что вытеснили военный инструментарий? Все дело в том, что понятие о человеке, его природе и предназначении меняются, как меняется и самовосприятие человека. Совре-

менный период в философии характеризуется как постантропологическая эпоха. Так, профессор Б. В. Марков характеризует эту эпоху как «отказ от универсальной идеи человека» [5]. Место и роль человека переосмысливаются в настоящий период в пользу того, что сам человек, его благополучие и потребности играют ведущую роль в системе национальной и даже отчасти глобальной безопасности. Однако при этом важно понимать, что под потребностями и благополучием подразумеваются не внешние признаки, выражаемые через комфорт, удовлетворение эгоистических потребностей, крайний индивидуализм и прочие проявления гедонизма, а духовный и нравственный рост, самосовершенствование, гуманизация в целом. Такой проект дальнейшего развития человечества выглядит весьма привлекательно, но несколько утопично. Его воплощение сделало бы человека более сдержанным, ответственным, самостоятельным, критически мыслящим, спокойным и ментально устойчивым. Поэтому во избежание осуществления такого высокого уровня развития современного человека и распространяются гибридные войны, стремящиеся духовно поработить человека и уничтожить в нем независимую личность.

Основная цель гибридной войны – развратить человека, сделать его зависимым и тем самым легкоуправляемым. Влияние на сознание человека, его дух делает гуманитарные технологии особенно привлекательными, именно с их помощью человека можно незаметно «переформатировать» под заданные параметры и внушать ему, что его жизнь и его деятельность – это его осознанный выбор. Таких технологий в настоящее время существует множество, и они продолжают увеличиваться количественно и совершенствоваться по качеству и эффективности. А многомерность человека, по мнению философа М. В. Масловой, можно представить в качестве основы изучения гибридных войн [6]. Так, она считает, что только комплексный подход к безопасности человека способен повысить ее уровень и эффективно противостоять гибридным атакам. Таким образом, гуманитарная безопасность, которая становится мишенью в гибридных войнах, является важнейшим компонентом всей системы национальной безопасности в XXI в. Это справедливо по причине того, что первый этап ведения нетрадиционной (гибридной, ментальной) войны начинается «с оценки уязвимости гуманитарной сферы общественной безопасности» [7, с. 54]. И если эта сфера действительно окажется в зоне риска, демонстрируя аномию, разобщенность и прочие социальные проблемы, то использование гуманитарных технологий в рамках гибридной войны окажется целесообразным и весьма эффективным для противника.

Важно понимать, что гуманитарные технологии гибридной войны требуют также поддерживающих усилий, т. е. однократное их использование или непродуманная (например, краткосрочная или недостаточно профинансированная) стратегия применения в том или ином государстве/регионе не возымеют ожидаемого эффекта. Это означает, что гуманитарные технологии гибридных войн должны стать образом и смыслом жизни народа, против которого они применяются, иначе их эффективность с большой вероятностью существенно снизится. Поэтому эти технологии направлены на фундаментальные изменения не только бытия человека, но и его сознания, что предполагает их долгосрочность и нацеленность на длительную перспективу.

Возможность управлять информацией (а в большинстве случаев манипулировать ею) становится главным аргументом в войнах нового поколения. Кто имеет такую возможность

и такие ресурсы, тот и является ее ведущим актором. Важно отметить, что гуманитарные (или социогуманитарные) технологии гибридной войны укрепляются за счет входящей в ее состав информационной составляющей. Иными словами, в поле влияния информационной войны вовлечено все социально-гуманитарное пространство современного общества, куда входят история, культура народов, традиционные духовно-нравственные ценности, социальные коммуникации, знаково-символические системы и многие другие элементы, при этом весь спектр таких технологий можно дифференцировать по трем основным группам, среди них коммуникативная, лингво-аналитическая и семиотическая [4, с. 62–63]. Тем самым акторы, использующие гуманитарные технологии в рамках той или иной группы, придерживаются различных стратегий в достижении конечной цели по управлению сознанием и подсознанием человека.

Как уже было отмечено, гуманитарные технологии гибридной войны точно направлены на человека, нарушая или вовсе разрушая его идентичность. При этом идентичность как естественно присущее человеку явление не уничтожается совсем, она заменяется таким вариантом, который выгоден субъекту гибридной войны. В результате общество, подвергшееся таким воздействиям, становится легкоуправляемой марионеткой. В такой ситуации нет места прямому и очевидному насилию, также отсутствуют принуждение и приказы, однако внедренное чуждое мировоззрение позволяет «невидимой рукой» управлять обществом в целом и каждым отдельным человеком. Таким образом, «гуманитарные технологии продуцируют, легитимируют и транслируют идентичности (смыслов, вещей, идей, процессов, ценностных ориентиров, поведенческих схем, религиозной и корпоративно-групповой принадлежности, потребительских предпочтений, моды, бренда)» [8, с. 36]. С помощью гуманитарных технологий идентичность человека меняется настолько, что он становится чужим для своей привычной среды обитания (культурной, ментальной, традиционной), при этом внешне не сразу удастся заметить метаморфозы и предпринять препятствующие такому состоянию меры.

Итак, можно констатировать, что современные гибридные войны стали эффективнее традиционных войн из-за расширения возможностей для противоборства во многом за счет усложнения используемых технологий. При этом гуманитарные технологии показали свою продуктивность и результативность, так как они содержат в себе элемент информационно-психологической войны, которая воздействует на человеческий ум и направлена против него, а не против компьютера [9, р. 35]. Профессор И. Ю. Алексеева справедливо отмечает, что в условиях современной России эффективность гуманитарных технологий подтверждается и поддерживается благодаря существующему в российской культуре историческому спору между западниками и славянофилами, который был возрожден в период украинского «майдана», встретившего в России как порицание, так и поддержку [10, с. 14]. А информационные технологии сделали этот исторический спор более «громогласным», заметным и весьма актуальным в сложившихся обстоятельствах. Однако, как отмечает профессор, возрождение этого спора является обращением к архаике, которая не в состоянии решить проблемы XXI в. и которая уводит от системного мышления в пользу ассоциативно-картиночного (клипового, фрагментарного). Преодоление этого состояния Ирина Юрьевна видит в формировании интеллектуального суверенитета личности, который должен приучить его

носителя самостоятельно добывать информацию, анализировать ее и делать на основе этого анализа непредвзятые выводы. Такой подход позволит преодолеть «раздвоенность самосознания», резюмирует исследователь.

Важно понимать, что какую-либо конкретную гуманитарную технологию сложно однозначно и безапелляционно отнести к тому или иному подвиду (психологическому, политическому, ментальному и т. д.). Во избежание методологической путаницы необходимо отметить, что в рамках настоящего исследования подразумевается следующее: гуманитарные технологии гибридной войны основаны на информационных технологиях, влияют на сознание и ум человека, опираются на достижения гуманитарных наук, а также находят свое проявление в различных сферах (культурной, политической, социальной и пр.). Поэтому представленные далее примеры гуманитарных технологий призваны продемонстрировать сферу их реализации, механизм проявления, возможные последствия, а не строгую классификацию с отнесением к той или иной категории. Рассмотренные технологии разные, но все они основаны на информационно-психологическом влиянии на человека и в обобщенном виде именуется гуманитарными технологиями.

Итак, гуманитарные технологии в настоящее время представлены весьма широким арсеналом. В рамках настоящего исследования можно выделить некоторые из действенных гуманитарных технологий, которые используются в гибридных войнах. Так, уже была отмечена и рассмотрена *стратегия управляемого хаоса*, которая направлена на дезориентацию общества противника во всех сферах его жизнедеятельности, однако с сохранением за субъектом использования данной технологии возможности влиять на созданный им хаос и управлять им.

В рамках социально-политических технологий, которые выделяются как отдельный важнейший и весьма эффективный в контексте антропологического влияния вид гуманитарных технологий в рамках гибридной войны, необходимо выделить в качестве средства манипуляции сознанием использование *дипфейков* (англ. *deep learning* – глубинное изучение; *fake* – подделка). Эта технология воздействует на восприятие человека посредством трансформации видео и изображений, которые созданы с помощью искусственного интеллекта [11, с. 93]. По сути, эта технология базируется на последних достижениях человечества и направлена на конкретную аудиторию с целью вызвать ожидаемую реакцию. Дипфейки, имеющие политический характер, представляют серьезную угрозу для современных государств. Если они будут иметь успех, то дальнейшее развитие целых государств и народов будет поставлено под угрозу. В этом случае стратегия манипулирования реализуется за счет психологического воздействия, основным механизмом которого становится упрощение. Ведь именно примитивизация и эмоциональная насыщенность привлекают аудиторию гораздо интенсивнее, чем сдержанные и логически обоснованные материалы. Здесь активизируется правило «чем проще, тем лучше» (понятнее). В условиях распространности технологии дипфейков осознанность и ответственность как распространителей таких материалов, так и их потребителей должны стать основой развития информационной культуры, которая позволит сопротивляться такого рода манипуляциям.

Дезинформация, которую исследователь В. В. Макашова именуется технологией «креативной войны» [12], является весьма эффективной гуманитарной технологией гибридной

войны. Эта технология преследует основную цель – введение в заблуждение аудитории. В условиях повышенного запроса на осведомленность, которая формируется за счет оперативности получаемой информации, технология дезинформации закрывает эту потребность. По сути, это технология лжи, которая действует как успокоительное для аудитории либо, напротив, как стимулирующее средство, подвигающее к эмоциональной реакции или импульсивному поведению, предоставляя информацию на интересующие ее темы.

Технологии *трансформации исторической памяти* (особенно памяти о Великой Отечественной войне), которые отдельно выделены доктором исторических наук, профессором В. Г. Кокоулиным, основаны на стирании исторической памяти, переписывании смысла, лишении исторических событий реального содержания, развенчании и дискредитации героев, «черном» мифе, генерировании «фобий» по отношению к событиям прошлого и разрыве единого исторического пространства [13, с. 10–11]. В результате успеха этой технологии происходит стирание исторической памяти, искажение фактов и исторических событий, нарушается связь поколений, а также деформируются принципы формирования национальной и индивидуальной идентичности. Это становится возможным, например, когда какое-либо событие или явление из прошлого, которое ранее было предметом национальной гордости, под воздействием подобных технологий незаслуженно превращается в объект национального стыда и позора; равно как и заслуживающие порицания исторические события или фигуры на современном этапе развития нации преподносятся как предмет национальной гордости. Такая политика актуальна в XXI в. для Украины, занимающейся десоветизацией и возвеличиванием нацистских преступников, С. Бандеры в частности.

Особый вред национальным государствам и их населению несут гуманитарные технологии гибридной войны, которые, так или иначе, затрагивают межнациональные отношения. Так, *ксенофобия* как гуманитарная технология гибридной войны и способы ее активизации актуальны для национальных (особенно многонациональных) государств, в числе которых находится и Российская Федерация. Благодаря этой технологии весьма эффективно создается образ врага, в который можно поместить кого угодно. И если раньше самой распространенной формой ксенофобии в мире была исламофобия, то с началом специальной военной операции (СВО) России на Украине ею стала русофобия. По справедливому утверждению исследователей О. М. Шевченко и Л. Л. Штофер [14], очередной виток в развитии глобальной ксенофобии (объявлении «нового врага всего мира») обуславливается меняющимися интересами США, демонизирующими именно тех акторов, которых они хотят ослабить или от которых стремятся избавиться.

Доктор философских наук, профессор И. Ю. Сундиев в совместном исследовании с академиком МАРЭ, автором-разработчиком систем психофизиологического мониторинга, выделили в качестве одной из самых разрушительных гуманитарных технологий гибридной войны *институциональное расчеловечивание*. Исследователи всерьез обеспокоены деструктивным потенциалом этой технологии. Она подкрепляется созданием стратегии управляемого хаоса, благодаря которой появляется возможность «не уничтожить социум и его инфраструктуру кинетически, как в военных кампаниях (в мировых войнах XX в.), а стагнировать его развитие через изменение мотивационно-потребностной базы человека» [15, с. 109]. Если соотносить это утверждение с пирамидой потребностей А. Маслоу, на вершине которой нахо-

дятся психоэмоциональные потребности, а у основания – базовые и физиологические, то можно сделать вывод, что технология институционального расчеловечивания сосредотачивает человека на удовлетворении базового уровня потребностей, делая необязательным или незначимым высшие потребности.

Основным инструментарием, т. е. конкретными способами реализации той или иной технологии гибридных войн, в XXI в. выступает возможность определенных сил формировать контент и управлять им. Контент – это потребляемая аудиторией информация, т. е. ее наполнение, содержание и качество (или его отсутствие). Так контент становится оружием в войнах современности, а само противостояние противников в таких условиях приобретает черты контентной войны [16, с. 154]. Однако наполнение человека готовым, выгодным какой-либо узкой группе субъектов гибридной войны контентом тормозит развитие человека, помещает его в рамки клипового (разорванного, фрагментарного) мышления, уничтожает связь с прошлым (вместе с тем и с будущим) и делает человека потребителем, сконцентрированным на материальном и игнорирующим духовный аспект своего существования.

Заключение. Эволюция технологий войны позволила придти к таким ее вариантам, которые способны нанести сокрушительный удар по самому уязвимому элементу национальной безопасности современного государства и всего мирового сообщества. Речь идет о человеке и его всесторонней безопасности. Угроза ядерной войны породила новый вид противоборства под названием гибридная война, в которой начинают преобладать нефизические (невоенные) технологии противоборства. Одной из ключевых групп таких технологий являются гуманитарные технологии, которые стремятся к преобразованию сознания и даже подсознания человека с целью манипулирования его сознанием и поведением. В настоящее время гибридная война – это стратегия коллективного Запада во главе с США по противостоянию с Россией, чтобы не позволить ей набрать политический и экономический вес на глобальном уровне. Всего десятилетие назад технологии «цветных революций» казались самыми результативными и эффективными в контексте стратегии «чужими руками на чужой территории реализовать собственные национальные интересы». В последние несколько лет гуманитарные технологии войны нового поколения нашли свою нишу в условиях противостояния исторических противников, при этом политические цели такого противостояния остались прежними, однако объект воздействия изменился, им стал человек. Иными словами, стремление обладать политическим влиянием выбрало такой объект воздействия, трансформация которого по заранее заданному сценарию способна в корне изменить и государственную, и социальную, и культурную, и ментальную, и любую другую систему жизнедеятельности, причем исключительно невоенными технологиями. В таких условиях человек и его безопасность признаются важнейшим элементом национальной безопасности в целом, при этом они требуют качественно нового подхода к нивелированию воздействия гуманитарных технологий гибридных войн современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Д. Ф. Гибридная война: теоретико-методологический анализ // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Философия. 2023. № 4 (66). С. 66–75. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.066.

2. Mumford A., Carlucci P. Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means // European J. of International Security. 2022. № 8. P. 192–206. DOI: 10.1017/eis.2022.19.

3. Стригин Е. М. *Предавшие СССР*. М.: Алгоритм, 2005.
4. Кафтан В. В. Основные тренды развития социогуманитарных технологий современной информационной войны // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 3. С. 62–71.
5. Марков Б. В. Образ человека в постантропологическую эпоху // *Вопросы философии*. 2011. № 2. С. 23–33.
6. Маслова М. В. Многомерность человека как основа понимания феномена гибридных войн // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2017. № 4 (13). С. 80–86.
7. Балановский В. Л., Подъяконов В. М. Новая парадигма обеспечения качества жизни в условиях «ментальной войны» // *Качество и жизнь*. 2021. № 2 (30). С. 50–56. DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-50-56.
8. Устинкин С. В., Рудаков А. В. Гуманитарные технологии как инструмент разрушения идентичности граждан в современной информационной войне // *Вестн. Академии военных наук*. 2017. № 4 (61). С. 33–37.
9. Libicki M. C. *What is information warfare?* Washington: National Defense Univ., 1996.
10. Алексеева И. Ю. Гуманитарные технологии в контексте информационной войны // *Информационное общество*. 2015. № 6. С. 14–24.
11. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // *Власть*. 2020. Т. 28, № 4. С. 93–98. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7440>.
12. Макашова В. В. Дезинформация: технологии «креативной войны» // *МедиаВектор*. 2022. № 6. С. 126–131.
13. Кокоулин В. Г. Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России // *Дискурс-Пи*. 2020. Т. 17, № 3 (40). С. 10–25. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10301.
14. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Ксенофобия как эффективная технология современных информационных войн // *Гуманитарий Юга России*. 2015. № 1. С. 98–108.
15. Сундиев И. Ю., Фролов А. Б. Институциональное расчеловечивание как метатехнология социальной деструкции // *Экономические стратегии*. 2016. Т. 18, № 7 (141). С. 108–123.
16. Мигулева М. В. Контент как оружие социального инжиниринга // *Исследование стратегий развития государств*. 2018. № 2. С. 146–155.

Информация об авторе.

Ковалев Андрей Андреевич – кандидат политических наук (2015), доцент (2021), доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС, Средний проспект В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия. Автор 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия ментальной безопасности, гибридные войны, национальная безопасность.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.04.2024; принята после рецензирования 25.04.2024; опубликована онлайн 24.09.2024.*

REFERENCES

1. Aliyev, D.F. (2023), "Hybrid war: theoretical and methodological analysis", *Vestnik Tver State Univ. Ser.: Philosophy*, no. 4 (66), pp. 66–75. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.066.
2. Mumford, A. and Carlucci, P. (2022), "Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means", *European J. of International Security*, no. 8, pp. 192–206. DOI: 10.1017/eis.2022.19.
3. Strigin, E.M. (2005), *Predavshie SSSR* [Those who betrayed the USSR], Algorithm, Moscow, RUS.
4. Kaftan, V.V. (2019), "The main trends in the development of socio-humanitarian technologies of modern information warfare", *Social and humanitarian Knowledge*, no. 3, pp. 62–71.

5. Markov, B.V. (2011), "Human image in post- anthropological epoch", *Voprosy Filosofii*, no. 2, pp. 23–33.
6. Maslova, M.V. (2017), "Multidimensionality of man as the basis of understanding the phenomenon of hybrid wars", *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian Problems of Military Affairs], no. 4 (13), pp. 80–86.
7. Balanovsky, V.L. and Podyakonov, V.M. (2021), "A new paradigm for ensuring the quality of life in the conditions of «mental war»", *Quality and Life*, no. 2 (30), pp. 50–56. DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-50-56.
8. Ustinkin, S.V. and Rudakov, A.V. (2017), "Humanitarian technologies as a tool of destruction of the identity of citizens in the modern information war", *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences, no. 4 (61), pp. 33–37.
9. Libicki, M.C. (1996), *What is information warfare?*, National Defense Univ., Washington, USA.
10. Alexeeva, I.Yu. (2015), "Humanitarian technologies in the information war context", *Information Society*, no. 6, pp. 14–24.
11. Krasovskaya, N.R. and Gulyaev, A.A. (2020), "Technologies of mind control by using deepfakes as an instrument of information war in the political sphere", *Power*, vol. 28, no. 4, pp. 93–98. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7440>.
12. Makashova, V.V. (2022), "Disinformation: technologies of 'creative war'", *MediaVector*, no. 6, pp. 126–131.
13. Kokoulin, V.G. (2020), "Technologies for transforming the historical memory of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia", *Discourse-P*, vol. 17, no. 3 (40), pp. 10–25. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10301.
14. Shevchenko, O.M. and Shtofer, L.L. (2015), "Xenophobia as an effective technology of modern information warfare", *Humanitarian of the South of Russia*, no. 1, pp. 98–108.
15. Sundiev, I.Yu. and Frolov, A.B. (2016), "Institutional Dehumanization as a Meta-Technology of Social Destruction", *Economic Strategies*, vol. 18, no. 7 (141), pp. 108–123.
16. Miguleva, M.V. (2018), "Content as a weapon of social engineering", *国家发展战略研究* [Research of State Development Strategies], no. 2, pp. 146–155.

Information about the author.

Andrey A. Kovalev – Can. Sci. (Political, 2015), Docent (2021), Associate Professor at the Department of Public and Municipal Administration, North-West Institute of Management, branch of RANEPА, 57/43 Srednii pr., V.O., St Petersburg 199178, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise: philosophy of mental security, hybrid wars, national security.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.04.2024; adopted after review 25.04.2024; published online 24.09.2024.